

Розділ 5

Становлення українського суспільства: гендерні та аксіологічні аспекти

Светлана Бородина

Женское образование в крестьянской среде XIX ст.

В статті аналізуються особливості жіночої освіти в селянському середовищі в XIX ст. Розглядаються тенденції розвитку освіченості, способи отримання освіти в селі, особливості діяльності учителів, шкіл і земств на селі.

The peculiarities of woman's education in peasant estate in the 19th century are analyzed in the article. The tendencies of education's development, ways of becoming of education in the villages, specialties of the activity of teachers, schools and zemstva in the villages are investigated.

Исследование локальной истории, в которой интегрируется «уникальное» и «глобальное», требует более действенного поиска новых источников и их глубокого изучения. «Письма из деревни» А. Н. Энгельгарда являются важным источником локальной истории, в частности, уникальным источником информации о женском образовании в крестьянской среде Курской губернии XIX века, где проживали как русские, так и украинцы. Эти тексты созданы с использованием живого, естественного языка. Поэтому и восприятие информации здесь обусловлено отношениями сотворчества адресата (читателя) и адресанта (автора). Адресат должен расшифровать и интерпретировать авторский текст, используя подходящие смысловые коды. Таким образом, творческая активность реализуется на обоих концах информационной цепи. И адресат, и адресант находятся в диалогических отношениях. Изучая особенности получения образования девочками из крестьянских семей Курской губернии XIX века, автор «Писем из деревни» использовал не только собственные наблюдения, но и анализировал, обобщал и классифицировал социальную, историческую и этнокультурную информацию, дополняя известные факты системно-структурным анализом [2, 74–77]. В связи с этим «Письма из деревни» вызывают большой интерес у исследователей и читателей, стимулируя их активность по поиску новых исторических источников и работу с этими источниками.

А. Н. Энгельгард отмечал, что в XIX веке в крестьянской среде Курской губернии наблюдается рост грамотности, и одно из самых больших заблуждений относительно крестьянского населения рассматриваемого периода, – представление об их неграмотности, необразованности и оторванности от книжной культуры. В этот период наблюдается повышение спроса на образование со стороны многих слоев населения. Но этот спрос на образование был ограничен возможностями крестьян изучать грамоту. Тогда в деревнях практически не было школ, или они были расположены в отдаленных местностях, не было также достаточного количества грамотных учителей, более того, специфика крестьянского труда не способствовала получению серьезного образования, ведь жизненно важным было своевременное выполнение полевых работ, а не обучение грамоте. Многие факторы мешали распространению грамотности, тем более было больше причин, по которым именно девочки не могли получить образование, даже в тех случаях, когда сами стремились учиться.

В некоторых местностях наблюдалось даже враждебное отношение к обучению женщин. «Пусть прясть учатся», – говорили в деревне Стогояновой и в этих словах слышался категорический запрет. В большинстве же случаев крестьяне ничего не имели против женской грамотности и, где можно, с охотой посылали девочек в школу. Правда здесь имеет место одно очень солидное препятствие: «девчонку одеть не во что», – говорили в деревне Фатьяновой Фатежского уезда. И действительно, сыновья-подростки были сносно обуты или в отцовские сапоги, или в собственные лапти, у них был и полушубок и чекмень, потому что сын нужен зимой на дворе, а девочка ровно в одной рубашонке; куда же в такой одежде сунуться в школу, особенно в морозный день [6, 23–24].

Серьезной проблемой была и отдаленность школ от сел. Так, например, если школа расположена за 10 и более верст, то крестьянские дети не смогут её посещать. Более того, если школа полностью укомплектована, то ее тоже не будут посещать девочки-крестьянки. Немалой помехой посещения школы является также весенняя распутица, но борьба с расстоянием в подобных случаях носит временный характер; только в иных случаях она принимает, так сказать, эпидемический характер. Весной всякое сообщение прекращалось надолго и те немногие, кто посещал школу зимой, волей-неволей должны были оставаться дома на время разлива.

А. Н. Энгельгард подчеркивал, что в XIX веке женщина в крестьянском быту занимала довольно низкое положение: крестьянин еще не дошел до осознания того, что мать является не только кормилицей, но и первой и главной воспитательницей своих детей, а отсюда и вытекает взгляд крестьянина на воспитание девочки: девочке не нужно учиться. Кроме того, по самим условиям крестьянского быта, девочка с самого раннего возраста является помощницей матери. Начиная с 6–7 лет, она бывает уже нянькой своих маленьких братьев и сестер, а потом с десяти лет садится за прялку и так продолжается до самого замужества. Таким образом, выходит, что крестьянской девочке учиться некогда, а, по мнению большинства крестьян, и незачем, если эта учеба не имеет прикладного значения. Вот почему, главным образом, в школе было так мало учащихся девочек [5, 87].

Приведенные причины, по которым девочки реже, чем мальчики получают образование, подтверждают и данные, собранные И. П. Белоконым по Белгородскому уезду Курской губернии. Из сообщений учителей земских учи-

лиц, например, из села Сабынино следует, что «в младшее отделение девочек поступает столько же, сколько и мальчиков, но большинство их выбывает из младшего и среднего отделения, вследствие домашних работ» [4, 100].

Ситуация изменилась только к концу XIX века, в начале же века стремления к получению образования в крестьянской среде почти не было, иногда даже подобное стремление воспринималось негативно, эта тенденция была замечена А. Н. Энгельгардом, и нашла отражение в десятом письме из деревни: «Заметно также увеличивается стремление к образованию, к грамотности. Когда была мода на разведение грамотности, вскоре после «Положения», и у нас была при волости школа, но в эту школу приходилось собирать ребят насильно, отцы не хотели отдавать детей в школу, считали отбывание школы повинностью. Неохотно отдавали отцы детей в школу, неохотно шли и дети, да и до школы ли было, когда ребята зимой ходили в «кусочки»? <...> В последние же годы стремление к грамотности стало сильно развиваться. Не только отцы хотят, чтобы их дети учились, но и сами дети хотят учиться. Ребята зимой сами просят, чтобы их поучили грамоте, да не только ребята, а и взрослые молодцы: день работают, а вечером учатся грамоте» [7, 495].

Необходимо подробнее остановиться на способах получения образования дочерьми крестьян. Обучиться грамоте девочки могли сами, получить по «наследству» от родителей, с помощью учителей, или людей, обученных грамоте, в сельской самоорганизованной школе в деревне, в земской школе, в школе при монастыре, или специализированном училище. Рассмотрим приведенные способы получения образования подробнее.

Научиться грамоте можно и самому, без особенной посторонней помощи, и от другого – знающего грамоту, «умеющего грамоте». Последнее было обыденным явлением, тогда как примеры первого встречаются весьма редко и только в тех случаях, когда совершенно не у кого учиться. Как неременное условие требуется, чтобы кто-нибудь из грамотных «показал» хоть «буки-азба», а до остального самоучка сам «дойдет». Этот тип обучения был распространен повсеместно: его можно встретить как в Фатежском уезде, так и в Обоянском. Слово «самоучка» одинаково употребляется во всех исследованных уездах и понимается в указанном относительном смысле. Этот тип обучения был обусловлен отсутствием школ, чем ближе школа, тем меньше самоучек. Таким образом, тип самообучения исключает существование других типов, ибо обуславливается его отсутствием [6, 62–63].

На этой стадии развития самопомощи, примитивной формой была передача грамоты по наследству. Знание грамоты, как и знание промысла, мастерства, постоянно передается как ценное (достояние) нисходящему потомству. Понятно, что не всякий грамотный способен передать свои познания другому, в противном случае в силу взаимного обучения грамотных было бы очень много [6, 86–87].

Другой тип – обучение при посторонней помощи. Здесь может быть два варианта: помощь бывает правильно организованной, когда обучающий имеет специальную подготовку и действует по определенной программе и в определенной обстановке, помощь также проявлялась и в неорганизованном, неоформленном, случайном варианте. К первому виду обучения относятся народные училища, школы, ко второму – все вольно занимающиеся обучением грамоте.

Разновидностью второго типа обучения было получение образования у так называемых «черничек». Обратим внимание на то, кто же был «черничками» – это были девушки оставшиеся в безбрачии по обету родителей или по своему собственному. Чернички обучали грамоте девочек. За умение читать по Псалтыри и обучение детей грамоте такие женщины пользовались значительным уважением в общине.

Связь с общиной сохранялась и у келейниц, в особенности через обучение детей. Келейницы были грамотными, и многие из них учили детей по Часослову и Псалтыри читать по-церковнославянски и писать церковным уставом, а также обучали порядку богослужения. Иногда общины строили специальные школы для этого обучения. Дети называли келейниц «мастерицами», это название бытовало и у взрослых [3, 121]. Часто элементарную грамотность крестьянские дети получали от священников или других лиц, которые нередко сами были выходцами из крестьян.

Большую роль в рассмотренных видах обучения играли книги и другая печатная или рукописная продукция, по которым крестьянские девочки могли постигать грамоту. А. Н. Энгельгард подчеркивал, что книжная культура в XIX в. присутствовала в крестьянской среде. Она шла от церкви и школы, от семей, сберегавших глубокую духовную старину. Азбуки и буквари, псалтыри и часословы, издаваемые официальными церковными типографиями (в частности, синодальной типографией), использовались для обучения крестьянских детей и бытовали в крестьянских семьях.

Убедительным доказательством значительного развития грамотности служило широкое хождение в крестьянской среде рукописных текстов самого разного характера. В их числе были: рукописные книги и сборники религиозного и светского содержания; сочинения крестьян; списки с указов центральных и местных учреждений, представлявших интерес для крестьян и использовавшихся в их прошениях и жалобах; подложные указы, написанные в интересах крестьян, и их копии; записи молитв, духовных стихов, наговоров; певческие сборники; лечебники (травники) или отдельные рецепты из них; календари или частичные выписки из них [3, 274–276]. При ограниченной возможности для крестьян обучаться в государственных учебных заведениях особое значение приобретала частная инициатива.

Со второго десятилетия XIX века отмечалось быстрое увеличение числа общественных и частных учебных заведений в селах. Сельские училища находились целиком на попечении духовенства. Кроме того, священники и студенты семинарии преподавали в училищах, основанных на средства общин государственных крестьян. Продолжалось и обучение у священников, помимо училищ.

В описаниях имений помещиков Центральной России, сделанных в 1858–1859 годах в связи с подготовкой отмены крепостного права, обычно указывалось, что крестьяне «обучаются грамоте своими средствами» – у церковнослужителей, писарей, солдат, «черничек», но больше всего – у грамотных крестьян [3, 285–287]. Деревенская школьная методика была несложной. Она предполагала безоглядное доверие ученика к своему учителю, взаимное расположение и ответственное отношение каждого к своим обязанностям.

А. Н. Энгельгард подчеркивал, что официально организованных школ для крестьян и после реформы 1861 года было недостаточно. Современники, отмечая это, обращали особое внимание на сельские школы, создаваемые самими крестьянами на их средства во всех губерниях

страны. Повсеместно крестьянские общины и отдельные группы крестьян, дети которых достигли подходящего возраста, нанимали учителей и предоставляли поочередно помещение для занятий, либо снимали совместно избу для такой школы. Нередко обучение вели грамотные крестьяне, иногда «бродячие» учителя из образованных слоев населения, переходящие из деревни в деревню.

Рассмотрим, например, итоги обследования, проведенного в 80-х годов XIX века по Курской губернии. В Путивльском уезде четвертую часть территории занимала полоса хуторов, она так и называлась – «Хуторянская полоса». В 167 поселениях этой полосы было всего 5180 дворов. Внимание Губернского статистического комитета привлекло странное несоответствие: из 29 официальных школ уезда на хуторянскую полосу приходилось всего 3, а уровень грамотности крестьян здесь был выше, чем в других местах. Тогда и обнаружили, какую роль играло самодеятельное обучение. Грамотные крестьяне были обучены «ходячими» («нахожими», «хожалыми») учителями.

А. Н. Энгельгард справедливо подчеркивал: эти мужицкие школы служат примером того, что если возникает в чем-то потребность, то народ сумеет устроить то, что ему нужно. Потребовалась грамотность, и вот мужики устроили свои школы, завели своих учителей, подобно тому как они имеют своих коновалов, своих повитух, своих лекарей, швецов, живописцев, певцов и т. п. [7, 495–496].

Необходимо отметить, что такие школы не могли дать полноценное образование, в результате чего получило распространение такое явление, как «полуграмотность». Но не следует умалять значения полуграмотности; для нас, конечно, почти невыносимыми являются факты, когда люди, умея читать, не умеют расписаться. Мы привыкли соединять в своих представлениях одно с другим и удивляемся, что, научившись читать, крестьянин не в состоянии выучиться писать. Но на самом-то деле достаточно обратить внимание на загрубевшие, мозолистые пальцы мужичка, чтобы оценить всю трудность, вызываемую обращением с карандашом, многие в этом отношении были поставлены в невозможную ситуацию: карандаш просто выскальзывал из рук. Чтобы совладать с этим хитрым орудием, нужно приучить свои руки к подобной функции с малолетства, а это не всем доступно. Кроме того, для упражнения в письме нужно иметь бумагу, перо, чернила, следовательно, такие вещи, которых нет дома у крестьян. Имея старую засаленную книгу крестьянин от времени до времени заглядывает в нее, память если и изменяет, то все же не так предательски, как пальцы. «Забыл разбирать» – это сравнительно редкий случай; забывают больше от чрезвычайных причин (слепота), но «разучился писать» – случается почти сплошь и рядом [6, 34–35].

К концу XIX века большое значение в деле образования приобретает земские школы. До 1864 года в Курской губернии насчитывалось всего-навсего 40 начальных школ. Благодаря плодотворной деятельности земств в сфере просвещения начальная школа на заре XX века уже переставала быть роскошью для населения Курской губернии. А. Н. Энгельгард писал, что идея, которой руководствовались деятели земского движения Курщины, выражалась в формуле: «безграмотность народа стоит в несколько раз дороже его всеобщей грамотности». Ее осознание и применение способствовало включению многих курян в борьбу за общедоступное начальное образование.

Вопрос всеобщего начального образования обсуждался губернским земским собранием в 1871 году. Для научного обоснования введения

всеобщего начального обучения в Курск был приглашен специалист по просвещению, историк земского движения И. П. Белокопский. Он составил первый вариант школьной сети, включавший: всех детей от 8 до 11 лет; максимальное расстояние их дома от школы – 2 версты; минимальное число учащихся в школе – 60 человек. В 1897 году земская комиссия по народному образованию приступила к разработке второго варианта школьной сети. Он составлялся в расчете на то, что на три крестьянских двора в среднем приходился 1 учащийся, а одноклассная школа проектировалась на 90–270 дворов, т. е. на 30–90 учеников [1, 70–71].

Таким образом, «Письма из деревни» А. Н. Энгельгарда служат прекрасным материалом для культурно-исторических реконструкций, связывающих русскую книжную культуру XIX века с её предшествующими этапами, а также для восстановления разрывов в народной традиции, ведь они написаны не просто образованным наблюдателем, а непосредственным участником событий второй половины XIX века. В «Письмах из деревни» сохраняется такая информация (в частности, этнокультурная) о событиях на территории Курской губернии, которой нет в других источниках. «Письма из деревни» наполняют местную историю Курщины «живым дыханием» эпохи, точно передают духовную атмосферу России второй половины XIX века, выявляют неповторимые связи между событиями и людьми, обращают внимание наших современников на личные судьбы их дальних предков, так называемых «маленьких людей».

Анализ приведенных А. Н. Энгельгардом данных позволяет сделать следующий вывод: во второй половине XIX века крестьяне Курской губернии не только сами были грамотны, но и в процессе домашнего воспитания обучали своих детей чтению и письму. Автор «Писем из деревни» показывает, что на пути женского образования было множество преград – материальные, занятость по хозяйству, нехватка учителей, удаленность школ и нехватка в них мест, уверенность отцов, что дочерям грамота не нужна, но, несмотря на все эти факторы, женское образование в крестьянской среде развивалось. Девочки из крестьянских семей могли получить образование от грамотных родственников и от «грамотеев», в церковно-приходских и самоорганизующихся крестьянских школах, в школах грамотности и в земских учебных заведениях. К концу XIX века было заметно увеличение числа школ, и, следовательно, увеличение числа крестьянских девочек, получивших образование. Огромное значение для таких результатов имела деятельность земств, направленная на развитие сети школ, на повышение грамотности сельского населения. «Письма из деревни» А. Н. Энгельгарда, в которых зашифрована социальная, историческая и этнокультурная информация, имеют не только историческую значимость, но и высокую ценностно-смысловую насыщенность.

1. Амоскин А. С. Земский период в истории народного образования курского края. – Курск. 2006. – С. 70–71.
2. Бородин С. В. Тексты А. Н. Энгельгарда как источник информации о женском образовании в крестьянской среде // Філософія мови: текст, образ, реальність. – Суми, 2009. – С. 74–77.
3. Громыко М. М. Мир русской деревни. – М., 1991. – С. 121; 274–276; 285–287.
4. Народное начальное образование в Курской губернии с диаграммами и картограммой. Составил Белокопский И. П. – Курск, 1897. – С. 100.
5. Обзор Курской Губернии за 1896 год. – Курск, 1897. – С. 87.
6. Сборник статистических сведений по Курской губернии / Под ред. Вернера И. А. – Т. 1. – Курск, 1885. – С. 23–24; 34–35; 62–63; 86–87.
7. Энгельгард А. Н. Из деревни: 12 писем, 1872–1887. – М., 1987. – С. 495–496.